

ВЫСТАВКА

Взяла на карандаш

выставка Натты Конышевой в ЦДХ

ИГОРЬ ЧУВИЛИН

В Центральном доме художника открылась выставка Натты Конышевой. Конышева — один из самых необычных персонажей столичной художественной жизни. Чтобы убедиться в этом, стоит посмотреть не только на ее работы, но и на саму художницу.

Среди завсегдатаев вернисажей немало людей, имеющих весьма косвенное отношение к арт-процессу. Многие приходят только ради угощения. Встречаются и просто чудачи или сумасшедшие. Натту Конышеву легко отнести к этому разряду: маленькая женщина перемещается стремительно, одета во что-то темное и неопределенное, движения быстрые, птичьи, в руках лист бумаги и карандаш. Она всегда чуть украдкой на всех поглядывает и что-то быстро зарисовывает. Это ее вечное занятие и отделяет художницу от толпы тех, кто пришел потусоваться. Вернисажи — вообще странное времяпрепровождение: удивительно, но именно постоянное рисование Натты воспринимается как чудачество в кругу людей, пришедших пообщаться с искусством. Она же рисует всегда и везде, будто отрабатывает свою принадлежность к художественному цеху. К ней все давно привыкли, записав в разряд городских сумасшедших, и не отдают себе отчета в ее существовании. Поэтому ее выставка воспринимается буквально как неожиданность — оказывается, у этого явления или даже процесса по имени Натта Конышева есть еще и результат.

Натта Ивановна Конышева ро-

дилась в 1935 году. Она ровесница мэтров современного искусства — тех, кого выставляют в Третьяковке по случаю семидесятилетия. Сказано это не к тому, чтобы всех семидесятилетних выставлять в ГТГ, а исключительно для приписки к поколению. В 1959-м окончила Московский полиграфический, выставлялась в основном в компании «неофициальных» художников. Квартирные выставки, редкие полуразрешенные показы на больших площадках — Конышева влилась в струю советского послевоенного андеграунда. И в итоге попала в списки «другого» искусства. Количество работ, написанных ею, подсчитать невозможно, но ходит легенда о тридцати тысячах холстов. Это невероятное число похоже на правду: работает она в стремительном темпе, и каждый раз ее выставка — это плотная шпалерная развеска холст к холсту, от пола почти до потолка (ужас для развесчиков, учитывая несговорчивый и скандальный характер автора).

А на холстах экспрессивная живопись, гротескные образы, фантазмагории, карнавалы. Пляшущие арлекины и дрессированные медведи вперемежку с узнаваемыми персонажами современной художественной жизни. Вот Анд-

рей Бартенев изображен с нарочитым искажением перспективы, вот голый человек на карачках — Олег Кулик или Герман Виноградов. Если есть сомнения в идентификации, можно спросить у художницы — она расскажет. Хотя иногда говорит: «А это я не помню кто, и почему он здесь». Человека на слоне на заднем плане карикатурной толпы помнит — это хозяин коллекции ее работ. На соседней стенке (те, что в приличных рамках) — это его вещи. Работы 1970-х чуть яснее и четче прописаны. «Пораньше и получше», — говорит Натта. К своему творчеству она требовательна, всегда им недовольна. Даже накануне открытия выставки ходит по ЦДХ с кисточкой и что-то подкрашивает на холстах, уже висящих на стене.

На вопрос, является ли то, что она всегда и везде рисует на листочках бумаги, самостоятельной графикой, отвечает категорично: нет. Это только материал для живописи. «Репортаж с элементами чудес» — вот ее определение собственного стиля. Не исключено, что уже сегодня она будет украдкой зарисовывать на каком-нибудь из вернисажей — несколько маниакально, словно остановиться не может. Можно было бы отнести ее к продолжателям дела Анатолия Зверева — в смысле укрепления образа сумасшедшего божественного художника. Разница в том, что рисует она не напоказ: все пытается спрятать листочек от посторонних взглядов как свою слабость. Будто вместо зверевского алкоголизма у нее — рисование.